

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

В.И. Разумовский*

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию О.Ф. Русаковой «Философия и методология истории в XX веке: школы, проблемы, идеи». — Екатеринбург: УрО РАН, 2000. — 354 с.

Взаимодействие философии и какой-либо науки всегда вызывало серьезные споры как среди философов, так и среди ученых. Ситуация не стала более сглаженной и после широкого распространения в последние десятилетия XX в. методологической тематики. Хотя в сфере современной интеллектуальной культуры получил широкое распространение принцип полиметодологизма, тем не менее и представители конкретных областей знания, и философы-методологи остро нуждаются в серьезных обобщениях. Рецензируемая книга Ольги Фредовны Русаковой может вполне обоснованно претендовать на роль работы, обобщающей значительный объем наработок в области философии и методологии истории.

Вполне естественно, что всякий автор, берясь за работу, предусматривающую анализ и обобщение большого количества источников, оказывается в сложном положении. С одной стороны, есть опасность разрастания материала по объему и потери основной идеи, подчеркивающей цельность работы; с другой стороны, возможно обратное, когда автор излагает свою версию предмета, делая только те ссылки на первоисточники, которые подтверждают его гипотезу. В рецензируемой монографии в основном удалось избежать обеих перечисленных опасностей.

* *Разумовский В.И.* — проректор по научной работе Омского института Московского государственного университета коммерции, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, доктор философских наук, профессор.

Оценивая содержание книги, прежде всего хочу отметить значительную проработанность представлений о предмете философии и методологии истории, данной в разделе I. При чтении возникает ощущение погружения в пространство интеллектуальной культуры, где предметом переживания, выражения, понимания и осмысливания является история. Обозначив в предисловии, что акцент в работе будет сделан на эпистемологические и методологические аспекты философии истории, автор фактически строит классификатор, позволяющий сориентироваться среди множества понятий, толкование взаимоотношений между которыми вызывает многочисленные споры и вопросы. Приводя точки зрения многочисленных специалистов, представляющих разные дисциплины, эпистемологические направления и культурные традиции, автор излагает материал в диалогической форме, где и читатель может найти свое место. В первой главе раздела I даются серьезные обобщения и дефиниции понятий, таких как философия истории, историософия, теория истории и др., предложенные И.С. Коном, Э.Н. Лооне, А.И. Ракитовым. Наряду с корректным цитированием первоисточников западноевропейской исторической и философской мысли, это удачно оттеняет вклад отечественных специалистов в решение методологических проблем эволюции исторического познания. Изложенный материал подвергается классификации в рамках трех моделей философии истории: метафизической, эпистемологической, антропологической. Вместе с тем остается впечатление, что сама Русакова склоняется к теории «культурного синтеза» Э. Трельча, так как «многочисленные версии предмета философии истории отражают не только противостояние различных методологических подходов к пониманию ее основных научно-теоретических задач, но также и разнообразные аспекты, проблемные комплексы, теоретические блоки, из которых в перспективе может сложиться универсальная дисциплина “философия истории”» (с.32). В главе 2 задаются три ракурса: генетический, структурный, бытийственный, в пределах которых в дальнейшем анализируется предмет методологии истории. Весьма насыщенным в методологическом отношении оказывается второй параграф данной главы «Структура методологии истории». Здесь обсуждаются

многочисленные вопросы, в общем, касающиеся реконструкции методов выражения, моделирования исторических феноменов. Анализ опирается на выделение свойственных современной историографии логического и герменевтического подходов. Удачным представляется сочетание более привычной традиции логического моделирования (в абстрактно-теоретическом и конкретно-прикладном планах) с герменевтическим моделированием исторических феноменов (с.57–59). Достаточно парадоксальным представляется то обстоятельство, что, относя онтологический аспект философии истории к области особого исследования, автор все-таки обращается к онтологической тематике, выделяя и анализируя три модуса истории: методологическую рефлексию, методологическую практику, методологический обмен с их последующей достаточно подробной детализацией (с.59–67).

Достаточно внимательное отношение к первому разделу было необходимым для того, чтобы подчеркнуть его установочное значение для дальнейшего анализа и сохранения цельности всей работы. Раздел II «Ведущие концептуальные модели методологии истории» затрагивает многочисленные и очень разнообразные учения, такие как неокантианство, методологию истории Лаппо-Данилевского, М. Вебера, К. Маркса, Р. Дж. Коллингвуда, К. Поппера и др. Кроме того, серьезный теоретический интерес вызывает обсуждение столь значительной темы, как «исторический закон». При рассмотрении научного статуса исторического закона вполне уместно привлечение разработок К.Р. Поппера и К.Г. Гемпеля. Не ставя целью вдаваться в подробности анализа этих вопросов, мы хотели бы указать на вполне продуктивное выделение в историческом законе идиографического и номотетического компонентов.

Наконец, раздел III «Методологические поиски в современных исторических исследованиях» можно рассматривать как удачный опыт синтеза многочисленных и разнообразных подходов и течений в общее научное направление — методологию истории. Достаточно естественно, что в основании указанного синтеза лежат наработки, сделанные представителями школы «Анналов». Чтение третьего раздела убеждает, что в рецензируемой работе основой для формирования методологии истории выступает гуманитарная

традиция, в рамках которой достаточно рельефно подчеркивается специфичность исторических дисциплин, их уникальность, несовместимость с естественнонаучными и техническими науками.

Как и всякое серьезное и значительное исследование, работа О.Ф. Русаковой содержит ряд спорных мест и не свободна от недостатков. Остановимся на следующих моментах. Во-первых, нет сомнения в том, что по жанру книга является эпистемологической работой. Вместе с тем в ней имеются многочисленные обращения к методологии, вполне естественные, поскольку труд посвящен методологии истории. К сожалению, в целом ряде случаев методологическая тематика практически не выделяется из эпистемологической. К примеру, называть методологическими эпистемологические тезисы Коллингвуда в научном и философском отношении представляется очень произвольным. Разве определение «история — это воспроизведение прошлого опыта» (с.162) само по себе, а не в качестве некоей парадигмальной установки является методологическим?! В таком случае методологическим статусом обладает всякая нетривиальная дефиниция!

Второе. Хотя автор пытается синтезировать основные аспекты и подходы, сложившиеся в методологии истории, следует отметить чрезмерное увлечение гуманитарной тематикой, в ряде моментов за счет естественнонаучной. Ни в малейшей мере не стоит отрицать самостоятельного методологического статуса философии истории. Однако по мере выявления набора базовых категорий, их организации в некие структуры (категориальные схемы) методы анализируемой предметной области, как и любой другой, выходят на уровень методов общенаучных. В рассматриваемой книге, к сожалению, такая работа не проводится, специфические категории только называются, а методы носят описательный, логически мало эксплицируемый характер. Впрочем, вполне возможно, что здесь затрагивается в основном область интересов рецензента, но не уважаемого автора очень интересной и полезной книги. В любом случае оказались за границами предметной области известные многим читателям попытки ревизии исторического знания с позиций математики.

Третье. Большая работа требует большого внимания. В рецензируемой работе, к сожалению, встречаются технические нарушения правил указания источников в тексте. Есть и более серьезные неточности. К примеру, на с.127 дважды встречается слово «казуальная», что заставляет вспомнить об отмеченном З. Фрейдом неслучайном характере любой опечатки и оговорки (правда, в то время еще не знали компьютерной верстки текстов).

Вместе с тем книга представляется полезной как минимум в трех ракурсах:

- как самостоятельный методологический трактат;
- как богатый источник сведений по многочисленным аспектам развития и современного состояния философии и методологии истории;
- как предмет для серьезных дискуссий и обсуждений.